

М. Протопопов — «Русская мысль»  
1892 кн. VI (с. 195—222)

(Мас. № 7)

## Жертва безвременья.

(Повѣсти г. Антопа Чехова).

„Ты долженъ знать,  
Что время дѣлаетъ людей“.

*Шекспиръ.*

„... тощій плодъ, до времени содрѣанъ,  
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,  
Виситъ между цвѣтовъ, грядущаго острѣанъ,  
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ“.

*Дерншотъ.*

### I.

«Будь только человекъ добръ, его никто отравить не въ состоянн». Это одинъ изъ многочисленныхъ в болъшую часть удачныхъ афоризмовъ, которые любилъ вставлять Тургеневъ въ свои произведенія. На первый взглядъ, этотъ афоризмъ—не болъе, какъ парадоксъ, придуманный какою-нибудь мягкою душою для своего собственнаго успокоенія. Доброта, какъ орудіе и даже неотразимое орудіе борьбы, — какая сантиментальность! Борьба посредствомъ собственныхъ боковъ — какая наивность! Уступчивость и кротость, какъ средства благого воздѣйствія на людей, — какая аркадская идиллія! Въ этой жизни, гдѣ «человекъ человеку—волкъ», гдѣ идея солидарности и братства между людьми представляется какою-то безсильною утопией, гдѣ, по слову поэта, кипитъ «вѣчная, безчеловѣчная вражда-война», — провозглашать среди такихъ условій доброту души, какъ верховный принципъ, значить просто идти противъ природы людей, забывать о томъ естественномъ чувствѣ самосохраненія, которое свойственно всѣмъ людямъ и даже всѣмъ живымъ существамъ безъ исключенія.

Однако, вотъ другой крупный литературный авторитетъ нашъ — Хоштинская - Заюнчовская, въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ которой мы встрѣчаемъ такой афоризмъ: «для того, чтобы быть правымъ, нужно прощать безконечно». Читатель видитъ, что это не болъе, какъ перифразъ мысли Тургенева, съ отбѣнкомъ, пожалуй, нѣкоторой экзальтаціи, столь вообще свойственной женской натурѣ. Совпаденіе этихъ афоризмовъ не

случайно и они были высказаны ихъ авторами не легкомысленно, не для фразы, не для красоты слога, а какъ бы въ видѣ краткаго резюме всего того житейскаго опыта и того глубокаго проникновенія въ душевные тайники людей, которыми такъ богаты были и Тургеневъ, и Хвоцинская. Какъ же быть намъ, читателямъ, довѣряющимъ руководству этихъ свѣтилъ нашей литературы? Сомнѣваться въ искренности и продуманности ихъ показаній мы не можемъ и не смѣемъ. Съ другой стороны, мы не можемъ не позиновать голосу своего разума и своего внутренняго чувства, которые рѣшительно отказываются усвоить это успокоительное учение, въ его полномъ объемѣ, по крайней мѣрѣ. Мы не можемъ уподобиться тому читателю, про котораго рассказывала горбуновская старуха: «Намедни Володя читалъ умную книжку, да послѣ сталъ у воротъ, да всякому, кто ни пройдетъ, мужикъ ли, баринъ ли, всѣмъ въ ноги кланялся, плачетъ да кланяется: «Простите, говорить, меня окаинаго. Книжка ужъ такая. Все, говорить, мое сердце растопилось». Вѣдь, даже эта старуха, объясняя поведеніе этого Володи, говорить, что онъ «разумомъ помутился, въ ямѣ онъ долго сидѣлъ—отъ этого, говорить, *разумомъ помутился*», а, между тѣмъ, образъ дѣйствій «Володи» только крайній логическій выводъ того *безжонечнаго прощенія*, которое рекомендовала Хвоцинская, и послѣднее выраженіе той всеобъемлющей *доброты*, о которой говорилъ Тургеневъ.

Попробуемъ обратиться за разъясненіемъ дѣла къ Льву Толстому, но не къ Толстому-философу, который своимъ ученіемъ о непротивленіи злу говорить почти то же самое, что мы только что слышали и отвергли, а къ Толстому художнику и психологу. Въ послѣдней части романа *Война и миръ* Толстой показываетъ намъ сущность того нравственнаго перерожденія, которое пришлось испытать Пьеру Безухому послѣ его плѣна у французевъ и знакомства съ Каратаевымъ: «Прежде онъ казался хотя и добрымъ человекомъ, но несчастнымъ, и потому люди невольно отдалялись отъ него. Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта и въ глазахъ его свѣтилось участіе къ людямъ,—вопросъ: довольны ли они такъ же, какъ и онъ? И людямъ было пріятно въ его присутствіи. Прежде онъ много говорилъ, горячился, когда говорилъ, и мало слушалъ; теперь онъ рѣдко улавливался разговоромъ и умѣлъ слушать такъ, что люди охотно высказывали ему свои самыя задушевные тайны. Княжна, никогда не любившая Пьера и питавшая къ нему особенно враждебное чувство, скоро почувствовала, что она его любитъ. Пьеръ ничѣмъ не заискивалъ расположенія княжны, онъ только съ любопытствомъ разсматривалъ ее. Прежде княжна чувствовала, что въ его взглядѣ на нее была равнодушіе и насмѣшка, и она, какъ и передъ другими людьми, сжималась передъ нимъ и выставляла только свою боевую сторону жизни; теперь, напротивъ, она чувствовала, что онъ какъ будто докапывался до самыхъ задушевныхъ сторонъ ея жизни; и она сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ благодарностью выкапывала ему затасанныя добрыя стороны своего характера. Са-

мый хитрый человекъ не могъ бы искуснѣе вкратсѣ въ довѣріе княжны, вызывая ея воспоминанія лучшаго времени молодости и выказывая къ нимъ сочувствіе. А, между тѣмъ, вся хитрость Пьера состояла только въ томъ, что онъ искалъ своего удовольствія, вызывая въ озлобленной, сухой и по своему гордой княжнѣ человѣческія чувства. Слуги находили, что Пьеръ много попростѣлъ. Страстную любовь плѣннаго итальянца Пьеръ теперь заслужилъ только тѣмъ, что онъ вызывалъ въ немъ лучшія стороны его души и любовался ими».

Дѣло начинаетъ понемногу развѣсниться. Афоризмъ Тургенева: «будь только человекъ добръ, его никто отразитъ не въ состояніи», начинаетъ раскрываться передъ нами во всемъ своемъ глубокомъ смыслѣ и значеніи. Пьеръ много попростѣлъ: это значитъ не то только, что онъ сталъ доступнѣе, естественнѣе въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, а значитъ именно то, что онъ сталъ добрее, то-есть участливѣе, внимательнѣе и снисходительнѣе къ другимъ. Въ этомъ заключался весь секретъ нравственнаго обаянія Пьера, вся его «хитрость», какъ выразился Толстой, секретъ простой, какъ колумбово яйцо, и, все-таки, требующій для своей разгадки остроумія Колумба. Добрыхъ людей не мало на свѣтѣ и понятіе доброты — очень широкое понятіе. Добръ тотъ, кто безкорыстно радуется чужой удачѣ и опечаливается чужимъ несчастіемъ; добръ тотъ, въ комъ живо и дѣятельно чувство состраданія ко всякому живому существу; добръ тотъ, кто терпѣливо несетъ свой крестъ, безъ ропота на свою судьбу; добръ тотъ, кто умѣетъ прощать обиды, для кого чувство мести не составляетъ источника удовольствія; добръ и тотъ, кто съ радостною готовностью уступаетъ свое мѣсто каждому, кого онъ признаетъ болѣе достойнымъ себя; добръ, наконецъ, всякій, кому легче дышется въ атмосферѣ любви, единенія, согласія, мира и благоволенія, нежели въ атмосферѣ ненависти, борьбы и ожесточенія.

Злобю сердце питаться устало,  
Много въ ней правды, да радости мало!

Вотъ какъ выражается даже въ закаленныхъ бойцахъ эта жажда успокоенія и примиренія, не обломовскаго успокоенія на мягкомъ диванѣ, въ комфортабельномъ кабинетѣ, съ крѣпко запертою для всѣхъ дверью, и не примиренія во что бы то ни стало, съ выдачею головою всего, за что боролся, чѣмъ жилъ и дышалъ, а успокоенія въ убѣжденіи или въ вѣрѣ въ человѣческое достоинство и примиренія съ людьми, а не съ заблужденіями людей. Этой именно высоты нравственнаго развитія достигъ герой Толстаго, и эта высота — послѣдняя грань той разумной и сознательной доброты, которая дѣятельно вліяетъ неотразимымъ образомъ и покоряетъ сердца. *Вызвать человѣческія чувства*, какъ говоритъ Толстой, это значитъ вызвать лучшія чувства, подавленные гнетомъ жизни или заваленныя ее сорожъ, и у кого не быть такихъ чувствъ? И кому же не отрадно хоть ненадолго почувствовать себя лучше, чище, человѣчнѣе, нежели обыкновенно.

повенно? Все мы, подобно князю Толстому, принуждены «выставлять только свою боевую сторону», вынуждены бороться за свое нравственное и за свое физическое существование, за свои идеалы, какт и за свой хлѣбъ, и ничего отраднѣе тутъ нѣтъ. Вънецъ борьбы—побѣда; но развѣ въ побѣдѣ удовлетвореніе? Вѣдь, кромѣ васъ, побѣдителей и триумфаторовъ, есть еще побѣжденные, ваше торжество есть униженіе подобныхъ вамъ, ваши побѣдные клики аккомпанируются стономъ умирающихъ и плачемъ осиротѣвшихъ. Метафора, взятая нами (битва, стоны, слезы), слишкомъ широка и красива для нашей сѣренькой дѣйствительности, но смыслъ ея примѣнимъ къ самымъ будничнымъ явленіямъ. Вы потѣшили свое самолюбіе, но почти неизбежно на счетъ чужого самолюбія; вы показали свою власть, но тѣмъ сильнѣе почувствовалъ кто-то горечь своего подневольнаго положенія; вы стали богаче — кто-нибудь сталъ отъ того бѣднѣе; вы заняли положеніе, мѣсто, должность — длинный рядъ вашихъ конкурентовъ чувствуетъ себя очень нехорошо, и т. д. Безгрѣшна только борьба съ вѣшною природою, но борьба человека съ человекомъ, общества съ обществомъ, даже въ самыхъ мелкихъ своихъ проявленіяхъ, неизбежно сопровождается рядомъ ущербовъ и обидъ для одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Нельзя требовать отъ людей самоотверженія, нельзя ожидать отъ нихъ добровольнаго подчиненія или хотя бы только «непротивленія» врагу, но можно допустить, что, по крайней мѣрѣ, лучшіе между нами одновременно съ горделивымъ сознаніемъ побѣды испытываютъ не мстительное злорадство, а какую-то нравственную неловкость, въ которую входятъ, какъ слагающіе элементы, и участіе къ побѣжденному, и стыдъ за причиненныя страданія, и раскаяніе въ злоупотребленіи своею силою. Только дикарь издѣвается надъ побѣжденнымъ, бьетъ лежачаго, въ своемъ превосходствѣ видитъ свое право, въ фактѣ своей побѣды усматриваетъ нравственную санкцію. Цивилизованный человекъ оправдываетъ себя необходимостью, а кто оправдывается, тотъ, по французской пословицѣ, обвиняетъ себя и это самообвиненіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше нравственный уровень человека. Какъ бы ни сильно говорило за васъ обстоятельство, какъ бы ни справедливо казалось вамъ право самообороны, сколько бы вы ни слагали отвѣтственность на общія условія жизни, лежащія вѣкъ вашей власти, все-таки, голосъ совѣсти не перестанетъ твердить вамъ, что вы были орудіемъ казни, источникомъ страданія, что надъ вашею головою тяготѣютъ людскія проклятія. «Горе побѣжденнымъ!» — это кличъ безумствующаго насилія, упоеннаго успѣхомъ варвара, нравственное сознаніе котораго подавлено звѣринными инстинктами. Для человека въ побѣдѣ радости мало, даже въ такой побѣдѣ, въ которой мною правды, потому ничто мало радости, что *питается злобою* не свойственно человеческому сердцу. Горе побѣжденнымъ — это несомнѣнно, но горе и побѣдителямъ.

Отъ этихъ общихъ соображеній обратимся опять къ конкретнымъ примерамъ и къ живымъ людямъ. Въ чемъ заключался и чѣмъ былъ обусловленъ нравственный процессъ Пьеръ? Прежде Пьеръ относился къ лю-

даль (не къ одной книжкѣ, конечно) «съ равнодушіемъ и насмѣшкой», и, разумеется, ему платили соответственной монетой. Насмѣшка на почвѣ равнодушія, которая ровно ничѣмъ не лучше или даже хуже презрѣнія, — это такое наступательное оружіе, противъ котораго неизбежно будутъ выдвинуты «боевыя стороны». Пьеръ могъ одерживать въ этихъ столическихъ постоянныя побѣды, могъ сколько угодно тѣшить свое самолюбіе, подавлять людей своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ превосходствомъ, но въ результатѣ этихъ побѣдъ не могло быть ничего, кромѣ ожесточенія. Покорить человека не значитъ придавить человека. Умѣнье импонировать — очень дешевое умѣнье, прекрасно усваиваемое безчисленнымъ множествомъ пустыхъ и тупыхъ людей, усматривающихъ въ немъ выраженіе своего достоинства. Но не такими средствами приобретаются *дѣйствительныя* побѣды надъ людьми, покоряются ихъ сердца, завоевывается ихъ довѣріе и ихъ любовь. Мы называемъ разумнымъ педагогомъ того, кому повинуются «не въ страхъ, а за совѣсть», чей авторитетъ основывается на разумѣ, а не на принужденіи. Мы называемъ дрессировщикомъ того, кто основываетъ свое вліяніе не на внутреннихъ ресурсахъ своей личности, а на вѣншихъ средствахъ, доставляемыхъ ему его положеніемъ. Развѣ этотъ справедливый взглядъ не можетъ быть перенесенъ изъ школы въ жизнь? Развѣ этотъ критерій не примѣнимъ по отношенію къ взрослымъ людямъ, подавляющее большинство которыхъ не меньше дѣтей нуждается въ разумномъ руководствѣ? И развѣ какое бы то ни было руководство возможно безъ довѣрія, вызываемаго вниманіемъ и участіемъ?

Если человекъ способенъ къ совершенствованію и если его нравственное развитіе идетъ правильно, онъ рано или поздно достигнетъ той ступени, которой достигъ Пьеръ, разгадаетъ его секретъ умѣть *быть простымъ*. Пьеръ пришелъ къ этому путемъ тѣхъ новыхъ ощущеній и мыслей, которыя были выжаты въ немъ лишениями и даже мученіями дѣла на у неприятеля, заодно съ разными сѣрыми Баратаевыми, которыхъ Пьеръ не только не наблюдалъ, но и не замѣчалъ въ счастливую пору своей жизни. Богатство Пьера и все вообще его общественное положеніе, доставшіяся ему во всю слѣпотой случайности, создали для него нѣкоторый пьедесталъ, достаточно высочій, чтобы смотрѣть на толпу сверху внизъ. Вѣншія исключительныя обстоятельства наглядно показали ему всю непрочность этого пьедестала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю неправоту его высокомернаго отношенія къ людямъ, но къ такому же результату ведутъ и менѣе необыкновенныя пути, если только, повторяемъ, человекъ способенъ и хочетъ идти впередъ. Жизнь всѣмъ даетъ этого рода уроки; и не ея вина, если не всѣ ими какъ слѣдуетъ пользуются. Некрасова привело къ этому состоянію духа созерцаніе родной природы:

Ахъ  
 Дѣла/начнется — сосна да осина:  
 Не весела ты, родная картина!  
 Что же молчать мой олюбленный уль?...

Сладокъ мнѣ гѣса знакомаго шумъ,  
 Любо мнѣ надѣть знакомую ниву,—  
 Дать же я волю благому порыву  
 И на родную землю мою  
 Всѣ накупившія слезы пролью!  
 Злобою сердце питаться устало,—  
 Много въ ней правды, да радости мало;  
 Сладкихъ въ моголахъ виновныхъ тѣней  
 Не разбужу я враждою моею.  
 Родина-мать! я душою смирился,  
 Любимыи снамомъ въ тебѣ воротился,  
 Предъ тобою мнѣ плакать не стыдно,  
 Ласку твою мнѣ принять не обидно,—  
 Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,  
 Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Буквально тотъ же самый мотивъ мы находимъ у Лермонтова. Когда,—  
 говоритъ поэтъ,—волнуется желтѣющая нива, серебристый лавдышъ при-  
 вѣтливо киваетъ головою, студеный ключъ играетъ по оврагу,

Тогда смиряется души моей тревога,  
 Тогда расходятся морщины на челѣ,  
 И счастье я могу постигнуть на землѣ,  
 И въ небесахъ я вижу Бога.

Разумѣется, созерцаніе природы можетъ вызвать только мимолетное настроеніе духа, достаточно сильное, чтобы вдохновить поэта на лирическое стихотвореніе, но слишкомъ слабое, чтобы произвести коренной внутренней переворотъ въ человѣкѣ, чтобы навсегда смирить тревогу его души и разгладить морщины на его челѣ. Крупные результаты добываются только большими усилиями, и человѣку, вышедшему изъ стихій безсознательной непосредственности, только цѣною страданій становится доступнымъ, наконецъ, *постигнуть счастье на землѣ и въ небесахъ увидѣть Бога*. Если его голова не закружится на этой высотѣ, если онъ вполне освоится въ этой области, гдѣ знаніе и вѣра сливаются въ высшемъ синтезѣ, если онъ сумѣетъ сочетать мудрость змѣя съ кротостью голубя, то тургеневскій образъ добраго человѣка, котораго никто отразить не въ состояніи, является передъ нами въ живомъ осуществленіи. Такому человѣку и афоризмъ о безконечномъ прощеніи покажется, вѣроятно, не громкою фразой, а простымъ и удобопонимымъ житейскимъ правиломъ. Но попасть въ этотъ рай можно только тому, кто прошелъ черезъ чистилище.

Въ той дѣйствительности, которою живемъ мы, дѣла дѣлаются иначе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Жизнь не просвѣтляетъ, а деморализируетъ человѣка, и нуженъ огромный запасъ душевной силы, чтобы не измѣлчать въ житейской суетѣ, не ожесточиться въ житейской борьбѣ. Несмотря на свой крайній индивидуализмъ, Толстой относитъ перерожденіе своего героя не къ тому времени, когда Шеръ сдѣлался масономъ и завелъ тетрадку, въ которую вносилъ всѣ свои прегрѣшенія, чтобы воздерживаться отъ нихъ впредь,—Шеръ измѣнился къ лучшему тогда, когда

рѣко измѣнились условія его жизни: богачъ сталъ бѣднякомъ, пожирающимъ лошадиное мясо, безконтрольный повелитель десятковъ тысячъ крѣпостныхъ душъ превратился въ безотвѣтнаго раба, которымъ какъ хотѣли помыкала французскіе солдаты. Этотъ урокъ жизни оказалъ въ иѣру силъ Пьера, — не погубилъ, а обновилъ его. Гораздо чаще люди не выдерживаютъ испытаній, представляющихся для нихъ даже не въ формѣ такихъ катастрофъ, кака я постигла Пьера, а въ формѣ разнаго рода булавочныхъ уколовъ, отъ которыхъ не спасешься теперь даже въ пустынѣ. Чѣмъ меньше въ нравственномъ отношеніи человекъ, тѣмъ быстрѣе хроническое раздраженіе отъ этихъ уколовъ переходитъ у него въ озлобленіе и, наконецъ, въ ожесточеніе, выражающееся не въ какихъ-нибудь трагическихъ проклятіяхъ роду человеческому à la король Лиръ и не въ пессимизмѣ à la Шопенгауеръ, а въ постоянной готовности напасть на своего ближняго даже не ради личныхъ интересовъ, а, такъ сказать, изъ любви въ искусство. «Мнѣ скверно или было скверно, пусть будетъ скверно и тебѣ» — вотъ обычная логика огромнаго большинства людей. Въ житейскомъ обиходѣ это называется «срывать зло». Мужикъ сжигаетъ стога своего сѣда, потому что самъ разоренъ кабатчикомъ; столоначальникъ распечатываетъ канцелярскаго чиновника, потому что самъ только что былъ распеченъ начальникомъ отдѣленія; сапожный подмастерье дуетъ колодой ученика по головѣ, потому что «насъ еще не такъ близъ». Не въ томъ масштабѣ и не въ тѣхъ формахъ, но съ сохраненіемъ той же самой сущности мы можемъ наблюдать однородныя явленія и въ болѣе высокыхъ сферахъ жизни. Вотъ государственный человекъ, который противится всякимъ мѣропріятіямъ *par dépit*, потому только, что чувствуетъ упадокъ своего вліянія; вотъ ученый, предающій академѣ «университетскую науку» потому только, что не нашелъ себѣ вѣоедры; вотъ художникъ, проклинающій «академическую рутину» потому, что не попалъ въ академики; вотъ публицистъ, перебѣгающій въ другой лагерь единственно потому, что въ прежнемъ лагерь его «не отбились»; вотъ бездетрять, пишущій детемъ, вмѣсто чернилъ, потому, что самолюбіе его оскорблено такими-то людьми или такими-то литературными кружками. Атмосфера личнаго озлобленія стучается все болѣе и болѣе и въ нынѣ историческія эпохи становится просто удушающей. «Мелочи жизни» выступаютъ на первый планъ въ качествѣ подлиннаго содержанія жизни и въ тнѣ этихъ личныхъ мелочей извращаются характеры, умы, таланты...

Не трудно резюмировать въ эти замѣчанія. Развитие личности находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ состоянія общества и служить его показателемъ. По природѣ вещей и по здравому смыслу, даже обыкновенный человекъ долженъ бы становиться тѣмъ лучше, т. е. умнѣе, добрѣе, человечнѣе, чѣмъ долѣе онъ живетъ на свѣтѣ, чѣмъ болѣе онъ приобретаетъ знаній, чѣмъ шире раздвигается его опытъ, чѣмъ продолжительнѣе его общеніе съ людьми. Факты говорятъ иное: чѣмъ болѣе человекъ живетъ, тѣмъ хуже, т. е. суше, эгоистичнѣе, безучастнѣе становится онъ.

и этот процесс душевнаго одеревенѣнія идетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ неправильнѣе общія основы жизни, такъ что въ иныхъ случаяхъ и въ иныхъ обществахъ жизнь дѣльными массами подготавливаетъ тридцатилѣтнихъ мудрецовъ, которые въ предѣлѣ земномъ совершили все земное.

Изъ всѣхъ молодыхъ мудрецовъ современной литературы нашей г. Чеховъ самый мудрейшій... Это основная, опредѣляющая черта литературной физиономіи г. Чехова, и послѣ того, что мы говорили выше, читатель не затруднится понять настоящее значеніе и настоящій характеръ таланта г. Чехова.

## II.

Прошу читателя припомнить одно старое стихотвореніе, которому уже пятьдесятъ четыре года отъ роду, но которое, тѣмъ не менѣе, преисполнено самой жгучей современности. Я говорю о знаменитой *Думѣ* Лермонтова, основная тема и даже второстепенные мотивы которой повторяются теперь почти съ буквальной точностью и въ печатныхъ, и въ устныхъ бесѣдахъ. «Печально и гляжу на наше поколѣнье» — вариации на эту тему мы слышимъ со всѣхъ сторонъ въ приращеніи къ современному поколенію нашему. Почему *печально*? Потому, что, по всѣмъ видностямъ, «въ бездѣйствіи состарится оно»; потому, что оно «къ добру и злу постыдно равнодушно»; потому, что оно «въ началѣ поприща ваянать безъ борьбы»; потому, что оно «ненавидитъ и любитъ случайно, ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви»; потому, что, несмотря на огонь въ крови, въ душѣ его царствуетъ какой-то холодъ тайный; потому, наконецъ, что, наперекоръ безчисленнымъ и иногда грубымъ похвальбамъ, оно не дало до сихъ поръ «ни мысли плодотворной, ни гениемъ начатаго труда». Если, къ счастью, Лермонтовъ ошибся въ своихъ грозныхъ предсказаніяхъ относительно *своего* поколѣнія, оставившаго послѣ себя наследіе, которое, конечно, не можетъ вызвать улыбки горькой обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ, то есть ли для насъ хоть какая-нибудь надежда на такую же удачу?

Послушаемъ другихъ, болѣе въ намъ близкихъ свидѣтельствъ. Безполезно было бы обращаться къ самосознанію нашей литературной молодежи, потому что, выражая недовольство чуть ли не всѣмъ міромъ, она, въ то же время, очень довольна собою; но вотъ что говорятъ одинъ изъ современныхъ поэтовъ нашихъ, старый годами, но молодой духомъ:

Сила съ меня судьба, въ жестокой этой вѣкѣ,  
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,  
Что я сравнительно — счастливый человекъ:  
Нѣтъ сна у меня; онъ умеръ, слава Богу!  
Онъ былъ бы мношей теперь. Въ томъ и бѣда.  
О, какъ не весело быть юнымъ въ наше время!  
Не столько старости вежливѣе года,  
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.

А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,  
Которая у насъ на утрѣ жизни можетъ,  
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,  
Онъ преждевременный покой.

.....  
Иль, можетъ быть, въ средѣ распутства и наживы,  
Соблазнами окруженъ и иной волей слабъ,  
Онъ духа времени покорный бигъ бы рабъ...  
Такіе здравствуютъ и живи.  
И сколько юношей на жизненномъ пути  
Какъ бы блуждающихъ средъ мрака и въ пустыни!  
Гдѣ пѣль высокая, къ которой иль идти?  
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеали нынѣ?  
' Съ кого примѣры брать? Гдѣ подангъ дѣлъ благихъ?  
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?...  
Какъ страшно было бы за сына иль родного,  
Когда такъ жутко за другихъ!

Такова современная поэтическая Дума наша, которая такъ и просится въ параллель съ лермонтовскимъ стихотвореніемъ. Между этими стихотвореніями лежитъ цѣлыхъ полвѣка, но трудно рѣшить, въ которомъ изъ нихъ больше печали и горечи. Можно замѣтить одно: энергическіе увреки Лермонтова своему поколѣнію проникнуты какимъ-то негодованіемъ, которое понятно и естественно тогда только, когда обращается противъ дѣйствительнаго виновника, между тѣмъ какъ современный поэтъ, будучи почти сверстникомъ Лермонтова и говоря о поколѣніи дѣтей и внуковъ, не обвиняетъ никого, не негодуетъ, не укоряетъ, а только груститъ какъ передъ неотвратимымъ стихійнымъ бѣдствіемъ. Это различное отношеніе къ дѣлу происходитъ не только отъ различія поэтическихъ темпераментовъ, но и отъ различія эпохъ и историческихъ условій. Лермонтовъ не знаетъ, и имѣлъ извѣстные резоны на это, что изболѣваемое имъ поколѣніе добровольно избрало свой путь познанья и сомнѣнья, тогда какъ въ наше время этого сказать нельзя и на вопросы: «въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?» — отвѣта ни откуда не слышится.

Казалось бы, что можетъ быть безобиднѣе этихъ вопросовъ? Однако, г. Чеховъ имѣетъ смѣлость отрицать даже самое право наше ставить подобные вопросы. «Разговоры объ измелъчаніи, отсутствіи идеаловъ и проч. на тѣхъ, у кого есть братья, дѣти или ученики, дѣйствуютъ всегда угнетающимъ образомъ: эти люди падаютъ духомъ. Кто недоволенъ молодыми людьми, тотъ можетъ бесѣдовать съ ними самими, а разговоры эти пора бы уже прекратить». Такъ заставляетъ г. Чеховъ выразиться одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ и симпатичныхъ своихъ героев — знаменитаго ученаго, оригинальнаго мыслителя и оцѣнь доброй души человека. Слишкомъ ясно, однако же, что не старшій профессоръ (герой *Скучной исторіи*), а самъ молодой авторъ нашъ находитъ, что «пора бы уже прекратить разговоры объ измелъчаніи, отсутствіи идеаловъ и пр.». Старшій профессоръ слишкомъ старъ, чтобы трактовать вопросы молодого поколѣнія съ ясно вы-

раженными чувствами личного раздражения. Далѣе, старый профессор уменъ и опытенъ, чтобы совѣтовать прекращеніе такихъ разговоровъ, материалъ для которыхъ постоянно доставляется самою жизнью. Наконецъ, старый профессор гдѣ-то въ логикѣ, чтобы въ прекращеніи разговоровъ усматривать средство къ *поднятію духа* той или другой общественной группы. Итъ, очевидно, это все говоритъ намъ не опытный и проницательный мыслитель, старый другъ и слуга науки, а довольно легкомысленный, хотя и талантливый представитель того самаго поколѣнія, объ измелъчаніи котораго идутъ непріятные разговоры. Прямой человекъ могъ бы безъ большихъ оговорокъ сказать тутъ, что на воръ шапка горитъ.

Трудно даже понять, чего собственно хотѣлъ бы г. Чеховъ, требуя отъ насъ, чтобы мы или прекратили разговоры объ измелъчаніи, или обращались съ ними не другъ къ другу и отнюдь не во всеуслышаніе, а только на ухо къ самой молодежи. Эти разговоры, — заявляетъ г. Чеховъ, — «дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на тѣхъ, у кого есть дѣти, братья или ученики». Но у насъ, разговаривающихъ, именно и имѣются дѣти, братья, ученики, и потому мы именно и разговариваемъ, что вопросъ объ измелъчаніи молодежи для насъ не академическій, а насущный, кровный вопросъ. Измелъчала не какое-то отвлеченное молодое поколѣніе, о которомъ я такъ, и эдакъ разсуждаютъ въ абстрактѣ разные журналы и газеты, — мелочны, сухи, ничтожны кажутся намъ вотъ эти самые живые Ваня и Иваны, наши дѣти и братья, которыхъ мы любимъ и которыхъ поэтому намъ больно презирать. Именно этотъ фактъ измелъчанія, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, и угнетаетъ насъ, а совсѣмъ не разговоры объ этомъ фактѣ, какъ полагаетъ г. Чеховъ. Подобно тому, какъ нѣкоторые публицисты утверждаютъ теперь, что если бы не было разговоровъ о голодѣ, то не было бы и самого голода, г. Чеховъ склоняется къ той мысли, что для борьбы съ измелъчаніемъ достаточно не замѣчать измелъчанія. Но мудрено не замѣчать того, что заставляетъ страдать. Развѣ мы слѣпы? Это недоверіе къ силѣ и значенію идей, это биржевая положительность, считающая журавлемъ въ небѣ все, чего нельзя спрятать въ бумажникъ и положить въ карманъ, это искреннее недоумѣніе передъ всякимъ безкорыстнымъ и, тѣмъ болѣе, самоотверженнымъ поступкомъ, это на половину вроническое, на половину скептическое отношеніе къ лучшимъ душевнымъ движеніямъ и свойствамъ, это высокомерное и самоуверенное невѣжество, эта, наконецъ, злостная, умышленная похвальба тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться, какъ, наприм., своими усилками «въ средѣ распутства и наживъ...», — всего этого мы не можемъ не видѣть въ значительной части современной молодежи, а видя, не можемъ не судить, не печалиться и вообще не «разговаривать» объ этомъ.

«Я сравнительно счастливый человекъ: нѣтъ сына у меня, онъ умеръ, слава Богу!» — съ вроніей отчаянія говоритъ оспротѣвшій отецъ, а г. Чеховъ раздражительно замѣчаетъ, что такіа жалобы «пора бы ужъ прекра-

тять», потому что онѣ угнетаютъ другихъ отцовъ. Есть извращенная логика, которая показываетъ, что у человѣка, пользующагося ею, умственные способности не въ благополучномъ состояніи; но есть другая, еще худшая логика, которая свидѣтельствуетъ, что у человѣка сердце не на мѣстѣ. Что же касается совѣта г. Чехова обращаться съ такими жалобами и «разговорами» непосредственно и исключительно къ самой молодежи, то позволите намъ сказать, что въ этомъ совѣтѣ смысла нѣтъ. Во-первыхъ, «время дѣлаетъ людей», какъ говоритъ Шекспиръ, и если это справедливо по отношенію къ взрослымъ, уже сформировавшимся людямъ, то по отношенію къ людямъ еще формирующимся это вдвое справедливѣе. Если молодежи не съ коимъ примѣра брать, если она не видитъ подвига дѣла близкаго, если торжество ума и доблестнаго слова остается все еще только платоническимъ пожеланіемъ нашимъ, то ответственность за все это лежитъ, конечно, не на молодежи, которая является тутъ не болѣе, какъ массовою жертвой безвременья. Во-вторыхъ, увѣренъ ли г. Чеховъ, что наше сердечное и доброжелательное обращеніе было бы встрѣчено также сердечно и доброжелательно? Мы въ этомъ совѣтѣ не увѣрены. Прошу читателя вникнуть, наприм., въ такую характеристику, сдѣланную однимъ изъ представителей нашего молодого поколѣнія такъ называемымъ людемъ шестидесятыхъ годовъ:

«Вотъ пожилой, но еще не посѣдѣвшій человекъ въ крылаткѣ и въ перыжѣной шляпѣ, съ желтымъ, полинявшимъ лицомъ. Какимъ Ольга Михайловна знала его еще въ дѣтствѣ, таковъ онъ и теперь, даже плешь не стала больше. Говоритъ онъ всегда длинно, монотонно и съ претензіей на литературность. Почему-то онъ называетъ себя человекомъ шестидесятыхъ годовъ (такихъ полинявшихъ субъектовъ, монополизировавшихъ шестидесятые года, въ каждомъ городѣ и уездѣ имѣется по одному). За обѣдомъ, за чаемъ, на гуляньи въ экипажѣ, въ лодкѣ, всегда неизмѣнно говоритъ объ идеалахъ, объ эмансипаціи женщинъ, о прогрессѣ, о темныхъ силахъ, о наукѣ, о литературѣ, декламируетъ съ чувствомъ стихи, въ которыхъ встрѣчаются часто слова заря, закатъ, факелъ, рожокъ, судить о газетахъ и журналахъ, издателяхъ и редакторахъ, однихъ хвалитъ, другихъ обвиняетъ въ извѣнничествѣ, третьихъ величая подлыми. На правахъ человѣка шестидесятыхъ годовъ, онъ груститъ о свѣтломъ прошломъ и отрицаетъ настоящее. Въ Петрѣ Дмитріичѣ видитъ онъ опаснаго ретрограда, передъ Ольгой же Михайловной благоговѣетъ за то, что она либеральна и была на курсахъ. Языкъ его вычуренъ и изысканъ. Такъ, будущее называетъ грядущимъ, молодыхъ людей — молодою силой или подроставшимъ поколѣніемъ, мужиковъ — народною нивой и т. п. Не говоритъ онъ, въ сущности, ничего дурного и, вѣроятно, всегда искренненъ, но почему-то всякій разъ, едва онъ откроетъ ротъ и своимъ замогильнымъ теноркомъ заведетъ рѣчь объ эмансипаціи или идеалахъ, какъ отъ всей его фигуры начинается вѣять старымъ, заброшеннымъ погребомъ».

Сколько ненужной лживости и безпричинной злости въ этой характе-

ристичъ! Не только недобрый, но и печальнымъ чувствомъ она внушена, чувствомъ мелкой ненависти, личный характеръ которой не подлежитъ сомнѣнью. Это не характеристика—это рядъ ничтожныхъ придирокъ и дешевенькихъ паштетовъ надъ виѣчностью. Порыѣблая шляпа... полвивавшее лицо... претензія на литературность... деклампованіе съ чувствомъ стиховъ... грусть о прошломъ... вычурный и высканый языкъ... замогильный тенорокъ... Какіе, подумаешь, огромные недостатки и тяжкія преступленія! Если противъ челоуѣка можно поставить только *такія* обвиненія, если при самомъ пламенномъ желаніи очернить или увизить его приходится ограничиваться гостиндворскимъ зубоскальствомъ надъ костюмомъ, голосомъ и манерами,— это значить, что обвинитель или не понимаетъ обвиняемаго, или ему во всѣхъ отношеніяхъ далеко до него, что, впрочемъ, почти одно и то же.

Читатель догадался, конечно, что язвительная характеристика людей шестидесятихъ годовъ принадлежитъ г. Чехову, который просить «прекратить разговоры» о людяхъ восьмидесятихъ годовъ. Этотъ полемическій маневръ г. Чехова вполне раскрываетъ его позицію. Онъ пѣвецъ современности, ей отдаетъ онъ свои симпатіи и не грусть, не заботу, а только раздраженіе чувствуетъ онъ, не зная, что отвѣтить на вопросы поэта: «въ чемъ жизнь нашей смыслъ? Гдѣ идеалы нынѣ?» Смыслъ жизни въ ея процессѣ, а идеалы—это тѣ славные за горами бубны, о которыхъ не стоить и разговаривать. Г. Чеховъ не высказываетъ этой формулы въ такомъ обнаженномъ ея видѣ, но онъ ходитъ вокругъ да около нея и осторожно инсинуируетъ ее читателю. Дальше будутъ представлены этому достаточныя доказательства, а пока въ тѣхъ же видахъ остановимся хотя бы на этомъ эпизодѣ съ людьми шестидесятихъ годовъ. Г. Чеховъ сознаетъ, что осмѣянный имъ субъектъ «не говоритъ, въ сущности, ничего дурного и, вѣроятно (навѣрное, г. Чеховъ!), всегда искрененъ». Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ заговоритъ объ идеалахъ, отъ него «начнетъ вѣять старымъ, заброшеннымъ погребомъ». Какъ помирить это? Правда, бываютъ такіе злоплучные люди, въ устахъ которыхъ даже неглупыя рѣчи кажутся глупостями, но, вѣдь, г. Чеховъ говоритъ не о патологическихкихъ исключеніяхъ, а о типѣ: по его статистическимъ изслѣдованіямъ, въ каждомъ городѣ и въ каждомъ уѣздѣ вѣдется по одному такому субъекту, а въ сложности это выйдетъ цѣлая небольшая армія. Всѣ эти люди говорятъ объ идеалахъ и всѣ они при этомъ напоминаютъ старыѣ, заброшенный погребъ: не ясно ли, что такое плачевное впечатлѣніе зависить не отъ личныхъ, умственныхъ или нравственныхъ свойствъ разговаривающихъ, а отъ свойствъ самой темы? Какой бы Златоустъ ни заговорилъ объ идеалахъ, г. Чеховъ все равно скажетъ, что такіе разговоры пора оставить и что отъ нихъ вѣетъ заброшеннымъ погребомъ. Почему это? Потому, конечно, что въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ. Этого логическаго конца своей мысли г. Чеховъ благоразумно не досказываетъ и мы дѣлаемъ это за него.

Осудивши разговоры объ идеалахъ, г. Чеховъ, *самъ того не замѣчая*, тѣмъ не менѣе, тоскуетъ объ идеалѣ, говоритъ объ идеалѣ, и говоритъ

очень хорошо, съ умомъ, съ искреннимъ чувствомъ. Вотъ его слова, вложенныя опять-таки въ уста того же стараго профессора: «Я думаю, долго думаю и ничего не могу еще придумать. И сколько бы я ни думалъ и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить, въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общею идеей или Богомъ живаго человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего...» Черезъ страницу профессоръ прибавляетъ: «отсутствіе того, что мои товарищи-философы называютъ общею идеей, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью...»

Слѣдуетъ увѣрить г. Чехова, что его «общая идея» или «Богъ живаго человѣка» есть ничто иное, какъ тотъ самый *идеалъ*, разговоры о которомъ такъ строго запрещаются намъ авторомъ. *Le poeh ne fait pas la chose*, и если г. Чехову не нравится *слово* идеалъ и онъ предпочитаетъ терминъ «общая идея», — мы противъ этого безвреднаго каприза не будемъ возражать. Но предчувствуетъ ли г. Чеховъ, что онъ характеризовалъ въ приведенныхъ нами строкахъ не какого-то поздно спохватывшагося профессора, а самого себя, свое творчество, свой талантъ и даже гораздо болѣе: характеризовалъ то поколѣніе и ту полосу жизни, типичнымъ представителемъ которыхъ онъ явился въ нашей литературѣ? Именно такъ: при богатствѣ *картинъ воображенія*, при наличности не избитыхъ *мыслей*, довольно тонкихъ *понатій*, искреннихъ и хорошихъ *чувствъ*, при настоятельномъ *стремленіи познать самого себя* — полное отсутствіе верховной цѣли, регулирующей всѣ духовныя процессы наши, придающей имъ смыслъ, оправдывающей ихъ вознѣкновеніе и бытіе. «Огонь влпять въ кровь» потому, что вы молоды, даровиты, жизнеспособны, но «въ груди царствуетъ какой-то холодъ тайный», потому, что этотъ огонь горитъ, никого не согрѣвая, ничего не освѣщая, горитъ зачѣмъ-то, такъ что остается только вопрекать пространство:

Кто меня враждебной властью  
Изъ ничтожества воззвалъ,  
Душу мнѣ наполнилъ страстью,  
Умъ сомнѣвать изволновалъ?

Вы глубоко правы: коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего. Да, не въ умѣ, не въ талантѣ, не въ знаніи, не въ волѣ заключается достоинство человѣка и прелесть жизни, а въ томъ верховномъ божествѣ, которому эти дары приносятся въ жертву. Сами по себѣ и сами для себя, *an und für sich*, эти дары, какъ и вся наша личность, и все наше суще-

ствование, не имѣютъ смысла и могутъ пріобрѣсти его не прежде, чѣмъ мы найдемъ «общую идею», почувствуемъ «Бога живаго челоуѣка», уифируемъ въ идеаль. Видите, г. Чеховъ, какой длинный и горячій разговоръ пошелъ у насъ съ вами объ идеалахъ и какъ мы уже близки къ взаимному соглашенію: зачѣмъ же рекомендовать прекращеніе такихъ разговоровъ?

Еще и еще поговоримъ на ту же старую и вѣчно новую тему. Тема эта въ самомъ дѣлѣ стара, потому что, даже по обычному счету, ей около двухъ тысячъ лѣтъ, и тема эта еще тысячи лѣтъ останется новою, потому что извѣстна огромному большинству людей только съ формальной стороны и во виѣшнемъ смыслѣ. Сколько людей, говоря старыми словами, не понимаютъ, что нѣтъ пользы челоуѣку, хотя бы онъ пріобрѣлъ весь міръ, а душу свою *отщепить* отъ нравственнаго идеала! Сколько людей ежедневно, по старому ритуалу, взываютъ: «Господи, Господи», а *сердце ихъ далече отстоитъ* отъ Него! Все же чтутъ Его! Но нѣтъ основанія приходить въ уныніе, впадать въ апатію отъ этого: нравственный идеаль есть послѣдняя вершина челоуѣческаго сознанія, достигнуть которой сразу никому не дано, и не только достигнуть дѣломъ, но и постигнуть мыслью. Нужна огромная и тяжелая историческая подготовка, чтобы общество и люди усвоили истинныя начала обществности, лежащія именно въ основахъ элементарной нравственности. Если мы представимъ себѣ общество людей, для которыхъ десять заповѣдей ветхаго и двѣ заповѣди новаго завета являются не виѣшними, а внутренними императивами,—людей, для которыхъ убивать, врать, лжесвидѣтельствовать, завидовать и пр. также не свойственно, какъ глотать камни, а любить ближняго какъ себя такъ же естественно и необходимо, какъ дышать, то мы имѣли передъ собою общество, для котораго былъ бы бесполезенъ сложный государственный механизмъ. Но, вѣдь, это чистѣйшая утопія, мыслимая, воображаемая, но, во всякомъ случаѣ, слишкомъ отвлеченная, чтобы сдѣлаться для людей идеаломъ, т. - е. не только благопожеланіемъ, но и практическою цѣлью. Пусть люди постепенно воспитываются соответствующими общественными формами и учрежденіями, пусть шагъ за шагомъ пріучаются къ идеѣ обществности, съ привходящими въ нее идеями права и долга, пусть практикуютъ и развиваютъ вложенное въ нихъ стремленіе къ идеальному въ достиженіи хоть сколько-нибудь общихъ, не личныхъ, не эгоистическихъ цѣлей. Здѣсь именно и заключается значеніе общественныхъ идеаловъ, поставляемыхъ не на всегда, какъ индивидуально-нравственный идеаль, а въ зависимости отъ духа времени и отъ потребностей даннаго общества. Всякій идеаль есть цѣль, но не всякая цѣль есть идеаль, и вотъ почему нѣтъ людей, живущихъ безъ цѣли, и сколько угодно людей, живущихъ безъ идеала, т. - е. безъ общественной цѣли. Если чиновникъ поступаетъ на службу, имѣя въ перспективѣ чинъ тайнаго совѣтника и хорошую пенсію или аренду,—онъ безспорно имѣетъ цѣль; если тотъ же чиновникъ питаетъ тайную надежду, добившись власти, провести такія и

такія-то мѣропріятія, полезныя, по его мнѣнію, родной землѣ,—онъ имѣеть не только цѣль, но идеалъ. Если мы съ г. Чеховымъ пишемъ только за тѣмъ, чтобы сорвать съ своихъ редакцій возможно большій гонораръ,—никто, конечно, не скажетъ, что мы пишемъ безъ цѣли; если же мы пишемъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ своихъ силъ, защитить добро, послужить истинѣ, повредить злу, какъ мы ихъ понижаемъ,—мы являемся съ ними служителями идеала. Если, отправляясь въ деревню на хозяйство, вы мечтаете на обухъ рожи молотить, посредствомъ штрафовъ, кабаковъ и ростовщичества превращать копейку въ рубль, вы человекъ съ планомъ, съ цѣлью; если же вы надѣетесь ввести новые приемы земледѣльской культуры, подѣйствовать на мужика своими примѣромъ, своею разумною дѣятельностью и проч.,—вы собираетесь работать на пользу идеала. Въ первомъ случаѣ всѣ эти люди поступаютъ дурно, во второмъ — хорошо, хотя ихъ дѣятельность не имѣеть непосредственнаго отношенія къ абсолютному идеалу, о которомъ вздыхаетъ профессоръ г. Чехова, какъ это часто бываетъ съ людьми въ виду приближающейся смерти. Напрасная грусть, грѣховное уныніе! Служить наукѣ значитъ служить человечеству, а это все, что мы можемъ требовать отъ людей. *Qui trop embrasse, mal étreint*. Мы можемъ выразить свою личность только во временномъ, конечномъ, переходномъ, и грустить тутъ не о чемъ, потому что въ нашихъ частныхъ задачахъ, въ нашихъ относительныхъ цѣляхъ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отражается сіяніе вѣчнаго идеала.

«Все это только фразы», скажетъ г. Чеховъ. Онъ это непременно скажетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ сказать, если только захочетъ быть логичнымъ и искреннимъ. Вѣдь, его шестидесятникъ, разсуждая объ идеалахъ, могъ говорить только въ томъ же духѣ, въ какомъ говорили и мы, а отъ его рѣчей вѣяло на г. Чехова старымъ, заброшеннымъ погребомъ. Не отъ замогильнаго же тенора получалъ г. Чеховъ такое впечатлѣніе, вообще не отъ формы, а отъ сущности самой темы, антипатичной г. Чехову. Онъ просто не вѣритъ въ возможность плодотворной дѣятельности, видитъ только изнанку жизни, съ ея мелочами и противорѣчіями, ему представляются фразерствомъ всякіе толки объ идеалахъ. *Общую идею* онъ цѣнитъ, ищетъ, призываетъ, потому что она абсолютна и могла бы заполнить какую угодно душевную пустоту, но *общественной идеи* онъ усвоить не въ состояніи. Если позволительно сравнить живаго человека съ литературнымъ типомъ, мы сказали бы, что г. Чеховъ переживаетъ то самое нравственное состояніе, которое такъ хорошо изобразилъ Толстой въ личности Левина. Но въ то время, какъ Левинъ болѣе своими невѣріемъ и доходилъ даже до мысли о самоубійствѣ, г. Чеховъ, можно сказать, кокетничаетъ съ этимъ скептицизмомъ и только пронизываетъ на счетъ тѣхъ, по его мнѣнію, простофиля, которые вѣрятъ, что даже самая скромная дѣятельность можетъ быть миссіей, что въ жизни есть не только смыслъ, но и разумъ.

Смѣна поколѣній всегда сопровождается смѣною идеаловъ и иначе быть

не может. Одинъ изъ поэтовъ пушкинской формации очень хорошо характеризовалъ это:

Нашъ міръ.—ншъ храмъ опустошенный,  
Ншъ баснословье—наша быль,  
И то, что пепелъ нашъ священный,  
Для нихъ одна ншмая пыль.

Это въ порядкѣ вещей, и никакое поколѣніе не вправе требовать уваженія къ своимъ традиціямъ, къ своему «неплу священному»: объ этомъ разсудить безпристрастная исторія. Но идеалы уступаютъ мѣсто идеаламъ же, а не отрицанію идеаловъ. Пусть наша быль отслужила свою службу и превратилась въ баснословіе, пусть опустошенъ нашъ храмъ: создайте же другую быль, соорудите другой, лучший храмъ, иначе людямъ жить вѣщамъ будетъ. Чтобы вести людей, нужно двигаться самому, а не сидѣть праздно у моря.

### III.

Значительный литературный талантъ г. Чехова не подлежитъ сомнѣнію. Г. Чеховъ одинаково спленъ и какъ «пейзажистъ», и какъ бытописатель, и какъ психологъ. Его описанія природы блещутъ тургеневскою красотой и поэзіей, его картины провинціальной жизни правдивы и широкы, его психологическій анализъ тонокъ и отчетливъ. Сверхъ этихъ качествъ, у г. Чехова есть, — т. е. онъ такъ обладаетъ, — одно специальное качество, котораго «нѣтъ у русскихъ авторовъ» — у современныхъ авторовъ, разумѣется: это качество — «чувство личной свободы». Устами все того же своего профессора г. Чеховъ такъ образно разъясняетъ дѣло: «Я не помню ни одной такой возвышенности, въ которой авторъ съ первой же страницы не постарался бы одутать себя всякими условностями и контрастами со своею совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно «теплое отношеніе къ человеку», четвертый нарочно цѣлая страница размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заледорѣвнымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непременно мѣщаниномъ, другой — непременно дворяниномъ и т. д. Умышленность, осторожность, себѣ на умѣ, но нѣтъ ни свободы, ни мужества писать какъ хочется, а стало быть нѣтъ и творчества».

Это очень удобно, что г. Чеховъ самъ предлагаетъ ключъ къ уразумѣнію своихъ произведеній. Годится или не годится этотъ ключъ — объ этомъ мы разсудимъ безъ помощи г. Чехова, но въ видахъ характеристики очень важно знать мнѣніе автора о его цѣляхъ и о его средствахъ. Разсужденіе г. Чехова очень ясно. Начать хоть съ того, что творчество в ъсе не свободно; *свободною*, въ смыслѣ г. Чехова, можетъ быть только застольная болтовня въ безцеремонной компаніи, гдѣ каждый можетъ врать «какъ хочется», не стѣсняясь даже элементарными приличіями. Поэтъ, ко-

тому тайны творчества были поближе знакомы, нежели г. Чехову, характеризовалъ дѣло такъ:

Диктуетъ совесть,  
Перомъ сердитый водить укъ.

Какая же это свобода—писать подъ диктовку? Возьмемъ хоть бы эту, осуждаемую г. Чеховымъ, боязнь говорить о голомъ тѣлѣ. Если эта боязнь происходитъ изъ опасенія оскорбить нравственное чувство читателя,—въ ней не только нѣтъ ничего дурного, а, напротивъ, очень много почтеннаго, потому что источникъ самаго этого опасенія заключается въ чуткой совѣсти писателя. Далѣе, «одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непремѣнно мѣщаниномъ, другой — непремѣнно дворяниномъ и т. д.». Опять повторяемъ свой вопросъ: почему именно онъ хочетъ быть дворяниномъ? И не странная ли это логика: если писатель *хочетъ* быть непремѣнно дворяниномъ въ своихъ произведеніяхъ, значитъ онъ не можетъ мужества писать *какъ хочется*... Что такое вы говорите, г. Чеховъ? Но не въ томъ сущность дѣла и не будемъ подлавливать на словахъ, на неловкихъ выраженіяхъ. Если писатель хочетъ быть дворяниномъ въ своихъ произведеніяхъ, т.-е. проводить или защищать специально дворянскіе интересы (пусть, наприм., идеализированія дворянъ, изображеніемъ ихъ рыцарями безъ страха и упрека, какъ это дѣлалъ, напр., Болеславъ Маркевичъ) въ силу внѣшнихъ побужденій и соображеній,—объ его творческой свободѣ, конечно, *не можетъ быть и рѣчи*. Но если это *желаніе обусловлено убѣжденіемъ*? Вопросъ, надѣмся, разъяснится окончательно, если читатель припомнитъ горькія сѣтованія профессора: «во всѣхъ моихъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всѣмъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое». Вотъ именно отсутствіе этой *связи* г. Чеховъ и называетъ *свободою*. Отъ этой дивной свободы профессоръ на старости лѣтъ, попросту говоря, чуть не волкомъ взвылъ, а г. Чеховъ, устами того же профессора, рекомендуетъ ее въ руководству современнымъ авторамъ. Это противорѣчіе уже не словъ, путаница уже не фразъ, а противорѣчіе принциповъ, путаница понятій. Усердѣннѣйшимъ служителемъ *свободы*, которую проповѣдуетъ г. Чеховъ, является въ нашей литературѣ известное періодическое изданіе, не даромъ считающее г. Чехова въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ: сегодня оно мѣщанинъ, завтра дворянинъ, а послѣ завтра неизвестно чѣмъ явится; сегодня оно смѣшаетъ съ грязью известное явленіе или известную идею, а завтра, или даже сегодня же, но въ другой мѣстѣ и въ другой статьѣ, то же самое явленіе въ пухъ и прахъ расхвалитъ. *Контрактъ съ совестью* оно не заключаетъ никакихъ и никакихъ...

Было бы желательно, чтобы г. Чеховъ самъ себя уяснилъ свое собственное выраженіе «писать *какъ хочется*». Видъ, хотѣнія наши обусловлены очень различными причинами, происходятъ изъ различныхъ источ-

никовъ. Одному *хочется* писать такъ, чтобы по возможности всѣмъ угодить и всѣмъ понравиться; другому *хочется* какъ-нибудь заявить о своемъ существованіи; третьему *хочется* защитить своимъ писаніемъ копѣйку; четвертому *хочется* подѣлиться мыслью; пятому *хочется* удовлетворить требованіямъ своей совѣсти. Всѣ эти писатели въ равной мѣрѣ не свободны, но не въ равной мѣрѣ достойны, объ этомъ и г. Чеховъ не будетъ спорить. Гдѣ же критерій свободы? Хотѣніе не первопричина, а результатъ и цѣнность его совѣсти не безспорна. Есть хотѣнія, которыя нужно обуздывать и даже подавлять, — эта мысль такъ проста, что нашла себѣ выраженіе даже въ пословицѣ. Мой физическій организмъ хочетъ комфорта; мое самолюбіе хочетъ удовлетворенія; мой умъ хочетъ ниши; моя совѣсть хочетъ успокоенія. Спрашивается, которое изъ этихъ хотѣній имѣетъ право на первое мѣсто, повинувся которому изъ нихъ писатель охранить свободу своего творчества? Этому вопросу г. Чеховъ даже не касается, а, между тѣмъ, въ немъ все дѣло.

Мы видѣли, какъ рѣшаетъ этотъ основной вопросъ Лермонтовъ: «диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водить умъ». Тутъ не можетъ быть ни сомнѣній, ни недоразумѣній. Верховный регуляторъ творчества и его апелляціонный критерій поставленъ съ совершенною ясностью: совѣсть, нравственное сознаніе человѣка указываетъ писателю темы, опредѣляетъ его симпатіи и антипатіи, посылаетъ его въ «станъ живущихъ» или въ «станъ погибающихъ», а роль ума сводится къ тому, чтобы найти для этихъ симпатій и антипатій достаточныя обоснованія, возможно убѣдительныя теоретическіе резоны. То же самое, въ сущности, говорить и Коптъ въ своемъ *Курсѣ*: *si le coeur doit toujours poser les questions, c'est toujours à l'esprit qu'il appartient de les résoudre*. Великій русскій поэтъ и великій французскій мыслитель сошлись въ опредѣленіи процесса творчества: контовскій *le coeur*, очевидно, есть ничто иное, какъ лермонтовская «совѣсть». Передъ такими свидѣтельствами невеликому г. Чехову придется скромно слушаться.

Г. Чеховъ, говоря о своемъ гербѣ, въ сущности, очень вѣрно указалъ на основной недостатокъ своего собственнаго творчества и вообще своего умственного и нравственнаго состоянія. «Во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что свѣвывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, нѣтъ того, что навывается общою идеей». Въ *третьей* разѣ цитирую я эти слова, — до такой степени они характерны для г. Чехова съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Именно, именно такъ: сужденія г. Чехова очень часто мѣткі и остроумны, картины его воображенія большею частью ярки и живы, но въ чемъ состоитъ *міросозерцаніе* его — этого никто не скажетъ, потому что у г. Чехова его вовсе нѣтъ. Сужденія и картины г. Чехова, т.-е. вся совокупность его литературныхъ произведеній, представляется какою-то безпоря-

дочпою лучшей материала, среди которого не мало хлама, но еще больше настоящих драгоценностей. Это не сырой материал: суждения и картины г. Чехова, ваятыя въ отдѣльности, являются вполне законченными и обработанными изящными вещицами, но между ними именно нѣтъ общей связи и созданы онѣ безъ всякаго общаго плана. Мало сравнить произведенія г. Чехова съ картинною галлереей, для которой не имѣется каталога: ихъ можно сравнить съ сараемъ, въ которомъ сложены какъ попало и пейзажи Калама, и каррикатуры Гогарта, и чувственныя картины Рубенса, въ перемежку съ апраксинскими нимфами и, изрѣдка, даже съ красными жестяными вывѣсками. Подумайте, что это работа одного и того же человѣка, одна и та же кисть изобразила и этотъ солнечный закатъ, отъ котораго вѣетъ на васъ такимъ спокойствіемъ и миромъ, и эту надпись *Золотой Лебедь* или *Развеселый Бережокъ!* Сомнѣваться въ талантъ художника нельзя; но въ чемъ заключается смыслъ его дѣятельности?

Было бы очень печально, если бы всѣ эти замѣчанія наши навели читателя на мысль, что безцѣльность и безсвязность писаній г. Чехова происходитъ отъ его нравственнаго безсилія, что онъ не пишетъ подъ диктовку совѣсти, потому что некому или нечему диктовать, или что эта диктовка слишкомъ невразумительна и воспозычна. Г. Чеховъ одинъ изъ наиболее искреннихъ писателей нашихъ, таково, по крайней мѣрѣ, было мое субъективное впечатлѣніе каждый разъ, какъ я раскрывалъ его произведенія! Но это писатель ищущій и не нашедшій, писатель безъ опоры и безъ цѣли. Талантъ его настолько энергиченъ и жизнеспособенъ, что неотступно требуетъ для себя вышшаго выраженія. Повинуясь этому требованію, г. Чеховъ беретъ за перо и немедленно чувствуетъ, что хотя ему и хочется говорить, но сказать, въ сущности, нечего. Его совѣсть чутка, но она находится въ пассивномъ состояніи. Г. Чехова коробитъ нравственно всякая ложь жизни, всякая фальшь въ человѣкѣ, но противопоставить чужой неправдѣ свою собственную правду онъ не можетъ, потому что не обладаетъ ею. Это бы еще съ позаторя: поживетъ молодой и даровитый человѣкъ, много передумаетъ и перечувствуетъ, запасется опытомъ, подойдетъ поближе къ страданіямъ человеческимъ, сѣзкаетъ долю своей ответственности за нихъ, и изъ индифферентнаго созерцателя превратится въ борца, который не даромъ проживетъ свою жизнь. Не всегда такъ бываетъ, но бываетъ, и надежды такого рода мы могли бы возлагать и на г. Чехова, если бы... если бы не его самоувѣренность, во-первыхъ, и не безвремяе, во-вторыхъ, — то безвремяе в безлюдство наше, среди котораго воспитался г. Чеховъ. Онъ не спроситъ, какъ спрашивалъ тосковавшій поэтъ:

Гдѣ-жъ вы, умѣле, съ бокрими лицами?  
Гдѣ же вы съ полнога жита кошицами?  
Трудъ заставляющихъ робко, крупными,  
Двиньте впередъ!

Въ этой тоскѣ есть надежда, въ этомъ отчаяніи есть вѣра, тогда какъ

г. Чеховъ посмотритъ направо и презрительно прищурится, посмотритъ налѣво и иронически улыбнется: никакихъ такихъ умныхъ ст. бодрыми лицами и въ поминъ пѣть. Безвременье даетъ г. Чехову объективное основаніе для такого вывода, а субъективные мотивы, заключающіеся именно въ его самоуверенности, влекутъ его въ томъ же направленіи. Своимъ то-мъ онъ мало-по-малу превращаетъ въ отрицаніе, потому что историческую передышку (если можно такъ выразиться) считаетъ формальнымъ общественнымъ состояніемъ, и вотъ почему мы считаемъ и называемъ его *жесткой безвременья*.

Одинъ изъ героев Помяловскаго, Череванинъ, говорилъ своему другу Молотову о своемъ душевномъ состояніи: «не хочется захотѣть». Г. Чеховъ могъ бы сказать о себѣ: не вѣрится, что можно вѣрить. Онъ, какъ Фома, не убѣждается чужими свидетельствами, ни даже свидетельствомъ исторіи, и хотѣлъ бы непременно собственными руками осязать язвы гвоздичныя. Кромѣ того, онъ большой эстетикъ, поклонникъ витѣшней красоты, такъ что проповѣдывалъ въ перыжѣлой шляпѣ и въ истасканной крылаткѣ врядъ ли могъ бы имѣть у него успѣхъ, хотя бы говорилъ, какъ Цаперонъ или Демосфенъ. Онъ скажетъ въ этомъ случаѣ, подобно одной дамѣ въ повѣсти Слѣцова *Трудное время*: «Я знаю, что земля вертится, но я этому не вѣрю». Легенда о трехъ янтахъ, разумеется, гораздо потличнѣе...

Эта общая характеристика нуждается, конечно, въ фактическихъ доказательствахъ.

#### IV.

Мы остановимся только на главнѣйшихъ произведеніяхъ г. Чехова и, притомъ, только на тѣхъ изъ нихъ, которые выражаютъ какую-нибудь новую фазу развитія автора или, по крайней мѣрѣ, новый мотивъ въ его настроеніи. Такихъ произведеній мы насчитываемъ три: повѣсти *Степь* и *Они* и драма *Ивановъ*. Прочія большія вещи г. Чехова — *Имскіе*, *Скучная исторія*, *Дуэль*, *Жена* — представляютъ собою только болѣе или менѣе удачныя варіаціи на ту тему, которая первоначально выражена въ драмѣ *Ивановъ*.

Прочитавши *Степь*, всякій скажетъ, что авторъ этой повѣсти съ природою — одною жизнью живетъ, разумеетъ ручья лепетанье и чувствуетъ травъ прозябанье. Г. Чеховъ одушевляетъ природу, относится къ ней, какъ къ разумному существу, видитъ въ ея феноменахъ что-то гораздо большее, нежели простую борьбу или игру стихій. Вотъ одно изъ его описаній: «Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодрого, снѣгаго звука, ни облака. Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали мота и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя мот. Изъ-за холмовъ неожиданно

показалось пепельно-сѣдое, кудрявое облако. Оно *перелянулось со степью*—я, молъ, готово—и *намурилось*. Вдругъ въ столбѣмъ воздухъ что-то *первалось*, сильно рвануль вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ *закружился* по степи. Тотчасъ же трава и прошлогодній бурьянъ *подняли роль*, на дорогѣ спиралью *закружилась* пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья, черныиъ, вертящимся столбомъ *поднялась* къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, *спотыкаясь* и прыгая, побѣжали перекасти-поле, а одно изъ нихъ *попало* въ вихрь, *завертѣлось*, какъ птица, *полетѣло* къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, *исчезло* изъ вида. За нимъ *понеслось* другое, потомъ третье, и Егорушка *видѣлъ*, какъ два перекасти-поле *столкнулись* въ голубой вышинѣ и *выпилились другъ съ друга*, какъ на поединкѣ». Обратите вниманіе на подчеркнутыя нами слова: такіе эпитеты употребляются при описаніи не стихій, а людей, но у г. Чехова это обычный приемъ. У него, въ другихъ мѣстахъ *воздухъ «покорно застываетъ»*, солнце *«напряженно пьетъ свои лучи во всѣ стороны»*, старается *брызнуть светомъ*, молнія *мигаетъ*, у тучи *«спяное, озорническое выражеше»*, *унесеннымъ вихремъ перекасти-поле «было страшно»*, небо *«разламывается»*, громъ *«явственно отчеканиваетъ: трахъ! тахъ! тахъ! тахъ!»*—*катится* по небу, *спотыкается* и *сливается* съ *злымъ* отрывистымъ трра! У г. Чехова есть *«большой, искренній пѣсъ»*, в ему представляется даже, что *«коршунъ летить и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни»*. Это не манерность,— манерничаютъ только посредственности и бездарности, а г. Чеховъ *настоящій талантъ*,— это именно *чрезвычайное проникновеніе природой*, *готовая для г. Чехова совесть* не представляется *«равнодушной»*: она въ его глазахъ не только *«красою вѣчною сіяетъ»*, но и *чувствуетъ, страдает, мыслитъ*. Засохла трава отъ зноя: что вы скажете объ этомъ? Но что же, *кромѣ того*, что *насилятся бѣдные мужики безъ сна и что мѣстному земству не мѣшало бы побеспокоиться на этотъ счетъ?* Такъ разсудили мы, *натуры прозаическія*, но г. Чеховъ *чувствуетъ травъ прозябаніе* и потому *пишетъ: «пѣла трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно [и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце вышло ее напрасну; она увѣрала, что ей страшно хочется жить, что она еще молода и была бы красива, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она, все-таки, просила прошенія у кого-то и клалась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...»* Будьте увѣрены, что это не метафора: созерцательнымъ и поэтическимъ натурамъ *преисскренно можетъ казаться, что засыхающая трава жалуется, груститъ, проситъ прошенія*. Субъективное впечатлѣніе до того сильно въ нихъ, что они *распространяютъ его и на окружающую среду*.

Для пѣсѣ это важно въ томъ отношеніи, что, *благодаря этому обстоятельству, передъ нами раскрывается внутренній міръ писателя*. Кольцовъ *восклицалъ: «Ахъ ты, степь моя, степь привольная!»* Гоголь *лирически*

восторгался: «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!» народъ, наконецъ, эпически воспѣваетъ степь Моздокскую, которая размахнулась-протянулась отъ города Царицына до того ли что князя Голицына. А г. Чеховъ тоскуетъ и плачетъ, только тоскуетъ, глядя на степь, безъ налѣшей примѣси того чувства простора, шири, свободы, удала, которое такъ свойственно жизнерадостному русскому человѣку. Трава сохнетъ — г. Чеховъ плачетъ; коршунъ летаетъ—не задумывается ли онъ о скукѣ жизни? Степныя птицы кричатъ—«для кого они кричатъ и кто ихъ слушаетъ на этой равнинѣ, Богъ ихъ знаетъ, но въ крикѣ ихъ много грусти и жалобы». Встрѣчается г. Чехову въ степи одинокій тополь: «кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь, Богъ его знаетъ. Отъ его стройной фигуры и зеленой одежи трудно оторвать глаза». Слава Богу, наконецъ, и г. Чеховъ нашелъ, чѣмъ можно полюбоваться въ степи, просто полюбоваться, безъ лукаваго мудрствованія! Ничуть не бывало: г. Чеховъ не замедлитъ отравить свое удовольствіе капелькой скептическаго яда. Онъ спршиваетъ: «Счастливъ ли этотъ красавецъ? Дѣломъ зной, зимой стужа и метели, осенью страшныя ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра, а главное — всю жизнь одинъ, одинъ»... Очень хорошо, не правда ли? Но г. Чеховъ можетъ и еще больше удивить. Разъ, единственный разъ только, онъ заговорилъ было языкомъ страсти в живой любви, но какимъ заунойнымъ плачемъ онъ прервалъ свою едва начатую здравицу! Вотъ начало: «Въ трескотнѣ настѣжкомыхъ, въ глубокомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что видишь и слышишь, начинаютъ чудиться торжество красоты, молодость, разцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни; душа даетъ откликъ прекрасной суровой родиѣ и хочется летѣть надъ степью вмѣстѣ съ ночной птицей». А вотъ конецъ: «И въ торжествѣ красоты, въ излившии счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнуть даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому не нужныя, и свозъ радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!»

Тоскливо самому г. Чехову и вотъ онъ покрываетъ зеленую и веселую степь чернымъ флеромъ своей непонятной грусти. Наконецъ, степныя lamentаши г. Чехова разрѣшаются чисто-пессимистическимъ воплемъ: «Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысль и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячу лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ, приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...» Остановимся на этомъ. Тема повѣ-

сти, а равнымъ образомъ настроеніе, умственное и нравственное состояніе ея автора выяснились съ достаточною полнотою. Что произошло дальше? Дальше произошла борьба или, вѣрнѣе, попытка къ борьбѣ съ осаждавшими г. Чехова мрачными образами и пессимистическими воззрѣніями, и результатомъ этой борьбы явилась повѣсть *Они*, хронологически непосредственно слѣдовавшая за *Степями*. Какъ литературное произведеніе, эта повѣсть у г. Чехова одна изъ слабѣйшихъ, но она драгоцѣнна, какъ психологическій документъ, какъ нѣкоторое внутреннее откровеніе со стороны автора. Тенденція повѣсти заключается въ неспроверженіи какъ разъ тѣхъ мыслей о бренности всего земнаго, которыя начали овладѣвать г. Чеховымъ въ *Степяхъ*. Очевидно, г. Чеховъ почувствовалъ что-то неладное въ этихъ мысляхъ и вздумалъ отъ нихъ оборониться, да, кстати, оборонить и читателя. Скажемъ прямо: предпріятіе не удалось. Этой неудаче не скрываетъ, впрочемъ, и самъ г. Чеховъ, откровенно заявляя въ концѣ повѣсти: «ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ!» Такое резюме всѣхъ разговоровъ героевъ повѣсти о пагубности пессимизма свидѣтельствуетъ, конечно, о *сомнѣніи*, а не объ *убѣжденіи*. Если *ничего не разберешь*, такъ что же ужъ и говорить о пессимизмѣ! Можетъ быть, онъ ложь и, можетъ быть, въ немъ-то и заключается самая подлинная истина — это еще разобрать надо.

Но этого мало, что г. Чеховъ выражаетъ сомнѣніе: тайныя симпатіи его принадлежать какъ разъ тѣмъ мыслямъ, которыя онъ будто бы опровергаетъ. Онъ довольно удачно маскируетъ свои цѣли, но, вѣдь, кому же и умѣть читать между строкъ, какъ не критикѣ. Правда, всегдѣ пессимистъ г. Чехова гораздо умнѣе его оптимиста (сущность повѣсти заключается въ спорѣ между этими двумя персонажами). Такъ, по крайней мѣрѣ, рисуетъ г. Чеховъ. О своемъ пессимистѣ онъ пишетъ: «На его умномъ, покойномъ лицѣ я читалъ: «Ничего я пока не вижу хорошаго ни въ опредѣленномъ дѣлѣ, ни въ опредѣленномъ кускѣ хлѣба, ни въ опредѣленномъ взглядѣ на вещи. Все это вздоръ. Былъ я въ Петербургѣ, теперь сижу здѣсь въ баракѣ, отсюда осенью уѣду опять въ Петербургъ, потомъ весной опять сюда... Какой изъ всего этого выйдетъ толкъ, я не знаю, да и никто не знаетъ. Стало быть, и толковать нечего». Инженера слушалъ онъ безъ интереса, съ тѣмъ снисходительнымъ равнодушіемъ, съ какими кадеты старшихъ классовъ слушаютъ расходившагося добракадылку. Казалось, что все, сказанное инженеромъ, было для него не ново, и что если бы ему самому было не лѣнь говорить, то онъ сказалъ бы нѣчто болѣе цѣное и умное. Какая вѣпозантная фигура! За то оптимистъ-инженеръ не имѣетъ въ наружности ничего манфредовскаго. У него не «покойное, умное», а «загорѣлое, толстоносое» лицо. Онъ «не былъ ни молодъ, ни старъ, любилъ хорошо поѣсть, выпить и похвалять прошлое, слегка задыхался при ходьбѣ, во снѣ громко храпѣлъ. Повидному, онъ былъ неравнодушенъ къ отвлеченнымъ вопросамъ, любилъ ихъ, но трактовать ихъ не умѣлъ и не привыкъ». Какъ видите, совершенно членков-

ския приемы, даже со включением охоты потрактовать «какую-нибудь эдакую науку». Читатель заранее может быть уверенъ, что диспутъ между Манфредомъ и Чичиковымъ не кончится добромъ для послѣдняго... Такъ оно и есть, конечно: съ перваго же приступа къ дѣлу оптимистъ, къ полному удовольствію г. Чехова, начинается слѣдующимъ образомъ косить самого себя по ногамъ:

«Всею душой ненавижу эти мысли!—говорилъ онъ.—Я самъ былъ боленъ ими въ юности, теперь еще не совсемъ избавился отъ нихъ и скажу вамъ, можетъ быть, оттого, что я глупъ и что эти мысли для меня не по коню кормъ,—онѣ не принесли мнѣ ничего, кромѣ зла. Это такъ понятно! Мысли о безцѣльности жизни, о ничтожествѣ и бренности видимаго міра, соломоновская «суета суеть» составляли и составляютъ до сихъ поръ высшую и конечную ступень въ области человѣческаго мышленія. Дошелъ мыслитель до этой ступени и—стоитъ машина! Дальше идти некуда. Этими завершается дѣятельность нормальнаго мозга, что естественно и въ порядкѣ вещей. Наше же несчастье въ томъ, что мы начинаемъ мыслить именно съ этого конца. Чѣмъ нормальные люди кончаютъ, тѣмъ мы начинаемъ. Мы съ перваго же абзуга, едва только мозгъ начинаетъ самостоятельную работу, взбираемся на самую высшую, конечную ступень и знать не хотимъ тѣхъ ступеней, которыя пониже. Согласитесь, что при такомъ несчастномъ способѣ мышленія невозможенъ никакой прогрессъ, ни науки, ни искусства, ни само мышленіе. Намъ кажется, что мы умнѣе толпы и Шекспира, въ сущности же, наша мыслительская работа сводится на ничто, такъ какъ спускаться на нижнія ступени у насъ нѣтъ охоты, а выше идти некуда, такъ и стоитъ нашъ мозгъ на точкѣ замерзанія—ни тпру, ни ну...» Такое удивительное *опроверженіе* лучше всякой защиты, конечно. *Понимайте! Пессимизмъ составляетъ высшую и конечную ступень въ области человѣческаго мышленія; имъ завершается дѣятельность нормальнаго мозга; дальше пессимизма идти некуда.* Что же и толковать послѣ этого? Каждому хочется забраться на высшую и конечную ступень мысли и если она заключается въ пессимизмѣ, то не зачѣмъ отвращать отъ него людей. *Несчастный способъ мышленія*, говоритъ ораторъ г. Чехова, и, конечно, говоритъ вздоръ: есть способы мышленія истинные и есть способы ложные, а счастливыхъ или несчастныхъ, пріятныхъ или непріятныхъ способовъ нѣтъ. *Diga lex, sed lex.* Какъ бы ни горька была истина, но если она подлинная истина, мы обязаны принять ее со всѣми ея теоретическими и практическими послѣдствіями.

Я не поленизврю съ г. Чеховымъ, а наблюдаю, изучаю и характеризую его. Если онъ считаетъ пессимизмъ вѣнцомъ человѣческой мысли, то пусть такъ и остается. Разубѣждать г. Чехова нѣтъ надобности, потому что въ его личномъ примѣрѣ нѣтъ опасности: не только русское общество, но весь цивилизованный міръ видѣлъ и видитъ другой, гораздо болѣе крупный примѣръ противоположнаго смысла, примѣръ гениальнаго писателя и искреннѣйшаго человѣка, который путемъ отрицанія пришелъ къ утвержде-

нью, через иракъ пессимистическаго отчаянiя пришелъ къ вѣрѣ. Слѣдовало бы ожидать, что г. Чеховъ, повнавъ «высшую и конечную ступень», окончательно утвердится на ней и подаритъ міру рядъ произведеній на шедринскую тему—«все на свѣтѣ семь превратно, все на свѣтѣ по-вратно». Однако, г. Чехову, должно быть, показалось слишкомъ холодно и непріятно на высотахъ всеотрицанiя и онъ спустился съ этихъ высотъ опять къ намъ, въ толпу, но сохранивъ на своемъ лицѣ ту самую искуму гримасу, съ какою онъ взиралъ на вселенную. Отвлеченный пессимизмъ выродился у г. Чехова въ практическій скептицизмъ, живо напоминающій скептицизмъ извѣстнаго гоголевскаго героя: «въ нашемъ городѣ одинъ только почтмейстеръ порядочный человекъ, да и тотъ, по правдѣ сказать, свинья». Плодомъ этого новаго настроенiя г. Чехова имѣлась драма *Ивановъ*, на которой мы теперь и остановились. Герой драмы *Ивановъ*—это замѣтьте, прежде всего: Ивановыхъ, какъ извѣстно, безчисленное множество у насъ, такъ что самая фамилія героя указываетъ на его типичность. Однако, вотъ что этотъ герой говоритъ о себѣ: «Ну, не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, не утомилъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжды, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидѣшь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! Утомился, не вѣрю, въ бессилья провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Что же со мной? Откуда во мнѣ эта слабость? Что стало съ моими нервами? Стоять только больной женѣ уколоть мое самолюбіе, или не угодить прислуга, или ружье дастъ осѣчку, какъ я становлюсь грубъ, золъ и не похожъ на себя... Не понимаю, не понимаю, не понимаю!» Чего-жь тутъ не понимать?—спросимъ мы.—Человѣкъ, очевидно, болѣвъ и ему не разсуждать слѣдуетъ, а надо поскорѣй собираться и бѣжать за помощью къ профессору Манассенну, а, быть можетъ, и къ профессору Баданскому или доктору Чечоту. Разстройство нервовъ—болѣзнь очень извѣстная и медицина противъ нея совсѣмъ не бессильна. *Еще года нѣтъ*, какъ Ивановъ былъ совершенно здоровъ—это значитъ, что болѣвъ его не слывомъ запущена, но, все-таки, ему надо поторопиться лечиться: это очень серьезный симптомъ, если не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги, и дѣло можетъ кончиться скверно.

Этимъ доброжелательнымъ совѣтомъ несчастному Иванову мы могли бы и ограничиться. Какой же это драматическій герой и какой же это типъ? Мало ли тѣмъ люди болѣютъ! Г. Чеховъ думаетъ иначе и видитъ въ личномъ несчастіи Иванова дѣйствіе какихъ-то общихъ причинъ. Хотя Ивановъ, какъ мы видѣли, трижды не поминается своего состоянiя, тѣмъ не менѣе, онъ объясняетъ его такимъ, наприм., образомъ: «Видишь ли, что я хотѣлъ сказать. У меня былъ рабочій Семенъ. Разъ, во время молотбы,

онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что и то же надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это мои мѣшки. Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула. Впрочемъ, быть можетъ, это не то...» Это очень рискованный діагнозъ. Есть болѣзнь, называемая переутомленіемъ, постигающая людей, работающихъ сверхъ своихъ силъ, но, во-первыхъ, болѣзнь эта подкрадывается постепенно, а вѣдь, Ивановъ «еще года вѣтъ, какъ былъ силенъ и здоровъ»; во-вторыхъ, болѣзнь эта излечивается отдыхомъ, а Ивановъ давно уже «въ бездѣльи проводитъ дни и ночи» и, все-таки, не выздоравливаетъ; а въ-третьихъ, какие такіе особенные подвиги совершилъ Ивановъ, чтобы надорваться въ тридцать пять лѣтъ отъ роду? Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты, женился, горячился, деньги бросалъ, былъ счастливъ и страдалъ... Кажется, это біографія довольно обыкновенная, біографія большинства интеллигентныхъ людей, которые, однако же, сохраняютъ до конца дней власть надъ своимъ мозгомъ, надъ своими руками и ногами. Но «я былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ»,—говоритъ Ивановъ. Ну, это дѣло субъективное, инструментовъ для опредѣленія интенсивности впечатлѣній еще не придумано и каждому своя слеза солона. Въ одну изъ минутъ просвѣтлѣнія Ивановъ воскликнулъ: «Эхъ, волкъ меня заешь, выкурить бы изъ меня казанскую сироту только — совсѣмъ бы настоящей мужчиною былъ!» Вотъ именно въ томъ и бѣда Иванова, что онъ по натурѣ своей не мужчина, а *казанская сирота*, которой свойственно не трудиться, не бороться, а пригорюнившись сидѣть. Тѣмъ не менѣе, г. Чеховъ такъ уважаетъ эту сироту, что поручаетъ ей—*excusez de peu!*—наставлять насъ уму-разуму, учить насъ жить, и сирота исполняетъ это порученіе съ неподражаемо-комическимъ апломбомъ. Ивановъ, несмотря на то, что его «не слушаетъ мозгъ», преподаетъ такого рода *смѣлые уроки*: «Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право вамъ совѣтовать. Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на свихихъ чудакахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ медведями, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ рациональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горючихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... Это теплое, честное и здоровѣе. А жизнь, которую я пережилъ,—какъ она утомительна! Ахъ, какъ утомительна!... Сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько незлагов!» Вотъ какіе проповѣдники водятся въ нашихъ провин-

ціяхъ! Правда, встрѣчаются такъ и другіе, хотя бы, наприм., тѣ, которые говорятъ объ идеалахъ, но, вѣдь, отъ ихъ рѣчей вѣтъ заброшенныхъ погребомъ, по увѣренію г. Чехова. Чѣмъ вѣтъ отъ рѣчей Иванова? Онѣ намъ хорошо знакомы, эти рѣчи, эти «трезвенныя слова», по выраженію Садтыкова. Одно время въ нашей журналистикѣ отъ этихъ «словъ» можно сказать, проходу не было и нашъ сатирикъ не даромъ говорилъ: «*Лить такъ, хлопать себя по ляжкамъ, довольствоваться разрозненными фактами и не видѣть надобности въ выводахъ (или трусить таковыхъ),— вотъ истинная норма современной жизни*». Къ этой именно *нормѣ* и приглашаетъ Ивановъ. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего: всѣ неудачники, обжегшись на своемъ молокѣ, любятъ дуть на чужую воду; всѣ дезертиры, еще не успѣвшіе превратиться въ откровенныхъ ренегатовъ, любятъ причитать: «ахъ, почто за мечъ воинственный я свой посохъ отдала!» Но удивительно (а, впрочемъ, и это не такъ ужъ удивительно), что нашъ талантливый авторъ относится къ своему герою не только серьезно, но и тепло, съ очевидною симпатіей. Не говоря уже о томъ, что Ивановъ въ концѣ драмы застрѣливается и тѣмъ естественно возбуждаетъ въ читателяхъ или зрителяхъ чувство жалости къ себѣ, отъ котораго не далеко и до симпатіи, всѣ окружающіе Иванова относятся къ нему съ уваженіемъ и съ любовью, не какъ къ шуту и фразѣру, а какъ къ мученику. Исключеніе составляетъ только одинъ докторъ Львовъ, которому за то и достается отъ автора. Онъ представленъ въ видѣ какого-то «честнаго» идола, который вѣтвердилъ нѣсколько моральныхъ сентенцій и раздаетъ ихъ направо и налево, вмѣстѣ съ плюхами и ругательствами. Докторъ—человѣкъ принциповъ, человѣкъ опредѣленнаго направленія, — словомъ, «честный» человѣкъ, какъ онъ безпрестанно называетъ себя, а такой человѣкъ, по мнѣнію г. Чехова, можетъ быть созданъ только изъ папьемаше, каковыя онъ и является въ драмѣ. Прямое назначеніе его — отънять своимъ «честнымъ» бездушіемъ и тупою логичностью нервность, страстность, живую плоть и живую кровь Иванова. Симпатіи автора, такимъ образомъ, очевидны.

И такъ, вотъ три фазиса, черезъ которые прошло творчество г. Чехова. Сначала безпредметная и безсмысленная грусть, въ силу которой проливаются слезы даже надъ одиночествомъ въ степи тополя. Это—первый фазисъ, выразившійся въ повѣсти *Степь*. Затѣмъ превознесеніе, подъ видомъ опроверженія, метафизическаго нигилизма или такъ называемаго пессимизма. Это—второй фазисъ, выразившійся въ повѣсти *Они*. Третій и послѣдній фазисъ, въ духѣ котораго написаны *всѣ* послѣдующія произведенія г. Чехова, состоитъ въ примиреніи съ жизнью, но не въ вышемъ, а въ вульгарномъ ея значеніи,—примиреніи съ процессомъ, а не съ идеаломъ жизни. Собственно *жизнь* попрежнему остается для г. Чехова тяжелою загадкой, «скучною исторіей», но конкретная дѣйствительность уже не печалитъ, не волнуетъ, не раздражаетъ его. Наоборотъ, его раздражаютъ именно напомниманія о необходимости идеала среди мелочей жизни,

которыя, по его мнѣнію, тѣмъ и хороши, что малы и не требуютъ большихъ размышленій надъ собою. «Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло». Этою фразой Иванова резюмируется вся сущность литературной дѣятельности г. Чехова въ его послѣднемъ періодѣ.

Что ждетъ г. Чехова въ будущемъ? Остановится ли онъ окончательно на этой реабилитациі дѣйствительности, на этомъ идолопоклонствѣ передъ существующимъ фактомъ? Г. Чеховъ такъ далеко успѣлъ уйти въ этомъ направленіи, что этого можно опасаться. Но тотъ же г. Чеховъ такъ хорошо и убедительно сказалъ: «если нѣтъ общей идеи, значить у человѣка ничего нѣтъ», что мы получаемъ право надѣяться. Будемъ же надѣяться: вѣдь, дѣло такъ просто и такъ громко говорить само за себя. Пусть такъ: запремся и будемъ дѣлать свое маленькое, Богомъ данное дѣло. Но какъ узнать, точно ли это дѣло поручено намъ Богомъ? Для этого, конечно, мы должны въ лучшія свои минуты возноситься духомъ къ подножію Его престола и въ этомъ царствѣ чистаго идеала черпать свою увѣренность и обновлять свои силы. Вѣра двигаетъ даже горы, не только людьми.

М. Протопоповъ.